

Проблематикой волшебной сказки занималась также И. Коцева¹⁷, в статьях которой освещается роль мотива запрещенной комнаты в композиции волшебной сказки. Автор выделяет такие моменты в приеме запрещения, как: а) само запрещение — что именно запрещается (например, вход в комнату, открывание шкапулки и т. п.); б) мотивировка нарушения запрещения, в) нарушение запрещения; г) последствия нарушения запрещения. В статье отмечается, что мотив запрещения (табу) относится к древним сказочным мотивам, историческая основа которых ждет своего выяснения.

Е. Трифонова¹⁸ определяет функцию счастливого конца в волшебной сказке, его место по отношению к другим структурным элементам в композиции сказки в диахронном и синхронном аспектах. Автор стремится доказать организующую роль счастливого конца в системе ценностей мира сказки. С его помощью, по мнению автора, реализуется инстинктивное стремление человека к гармонии и справедливости. В диахронном аспекте роль счастливого конца следует искать, по мнению автора, в ритуально-магической функции мифа, с которым сказка связана генетически.

Начавший регулярно выходить с 1975 г. журнал «Български фолклор» сыграл большую роль в активизации и развитии фольклористических исследований в Болгарии. Этот журнал способствовал объединению сил болгарских фольклористов, налаживанию контактов и связей между фольклористами, работающими в разных местах. Публикуемый ежегодно библиографический перечень трудов по фольклористике имеет большую информативную ценность.

В настоящее время в Институте фольклора Болгарской академии наук составляется указатель сюжетов и осуществляется каталогизирование сказок по системе Аарне — Томпсона. В 1976 г. в Институте фольклора Болгарской академии наук был обсужден проект модели каталога болгарских народных сказок¹⁹.

Мы постарались в настоящем обзоре осветить основные направления в изучении сказок в болгарской фольклористической школе, труды которой имеют большое теоретическое и методологическое значение как для болгарской, так и для мировой фольклористики.

З. М. Волоцкая

¹⁷ Коцева И. Остатъци от «забрана» (табу) в българския песенен и прозаичен фолклор. — Български фолклор, 1975, кн. 2; *ее же*. Мотивът за забранена стая в българските вълшебни приказки. — Български фолклор, 1977, кн. 1, с. 22—35.

¹⁸ Трифонова Е. Към въпроса за ролята на щастливия финал в жанрова характеристика на народната вълшебна приказка. — Български фолклор, 1977, кн. 1, с. 10—21.

¹⁹ Добрева Д. Някои проблеми на каталогизирането на българските народни приказки по системата на Аарне — Томпсън. — Български фолклор, 1979, кн. 2, с. 19—34.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982.

Сегодня вряд ли пришлось бы кого-либо убеждать в огромном мировоззренческом значении такой, казалось бы, далекой от нашего времени научной дисциплины, как история первобытного общества. Данные этой отрасли науки составляют ныне неотъемлемую часть историко-материалистического понимания прошлого человечества и одну из основ такого понимания. Отсюда и вытекает наличие очень многочисленной аудитории, которой преподается история первобытного общества, и отсюда же следует потребность в таком основном учебнике по этой дисциплине, который сочетал бы в себе самый высокий научный уровень и доступность изложения материала. Такой учебник у нас есть с 1968 г.; в 1982 г. вышло его третье, переработанное издание.

Рецензировать учебник всегда трудно, прежде всего потому, что он должен отвечать фактически диаметрально противоположным требованиям: с одной стороны, быть максимально «современным» в научном смысле, но, с другой — обязан предоставить в распоряжение студента определенный минимум бесспорных сведений, т. е. быть в известной мере стабильным по содержанию, и дать такие сведения в форме, доступной пониманию неспециалиста-новичка. А ведь наука не стоит на месте: историю первобытного общества в последние годы отличает как раз стремительное возрастание объема новых данных, а с этим связано и довольно быстрое обновление научных выводов. И отразить это движение должны были последовательные издания рассматриваемого учебника.

Забегая вперед, можно сразу же сказать, что с этой важнейшей задачей авторы справились весьма успешно: в книге достаточно адекватно отражено сегодняшнее состояние истории первобытного общества. Однако то, что учебник выдержал за неполных 15 лет три издания, свидетельствует о надежной основе, в которую вносились изменения при повторных изданиях, т. е. именно о несомненной стабильности ее.

Отбор материала для очередного издания всегда труден: речь идет не просто об уточнении тех или иных данных, но именно о показе движения науки. И увидеть, насколько удалось авторам решить эту задачу, можно лишь в сравнении с предыдущим изданием.

Первое, что следует сказать (и что бросается в глаза при ознакомлении с книгой), — это то, что учебник отразил существенное расширение понятийного аппарата истории первобытного общества и соответствующее обогащение ее терминологии. За этим стоит большая работа советских и зарубежных исследователей, что в свою очередь нашло отражение в заметном расширении и историографического раздела учебника. Можно, впрочем, отметить, что в целом объем книги возрос незначительно — многим больше чем на два авторских листа. А это свидетельствует об успешном решении проблемы отбора материала: выбраны и включены в учебник именно самые важные научные результаты последнего десятилетия.

Каковы же основные новые моменты в содержании рецензируемой книги по сравнению со вторым ее изданием?

В первую очередь заслуживает всяческого одобрения то, что авторы ввели в текст значительно больше сведений о проблемах, связанных с периодизацией истории первобытного общества. Студент получит из нового учебника не только представление о наиболее широко принятой периодизации, как это было в предшествующих изданиях, но и познакомится со связанными с нею основными дискуссионными вопросами (с. 5—7). Здесь отмечены основные подходы к данной проблеме, существующие в науке как у нас в стране, так и за рубежом. Весьма важным новшеством представляется и введение в учебник, пусть даже в форме самого общего упоминания, вопроса об обществах синполитейных и аполитейных, который в 70-е годы детально разрабатывался в отечественной этнографии. Такие нововведения заметно обогатили общетеоретическую базу, с которой начинается изучение предмета, и их значение для расширения общен исторического кругозора обучаемых трудно переоценить. Весьма полезна и помещенная во введении к книге сопоставительная таблица исторических и археологических эпох и этапов эволюции человека (с. 10). Все такие дополнения к вводной части учебника позволяют получить сведения о современном состоянии одного из важнейших в методологическом отношении комплексов проблем, связанных со становлением истории первобытного общества как самостоятельной научной дисциплины в ее нынешнем виде.

Намного ярче представлена в новом издании учебника такая важнейшая сторона истории первобытности, как экономика. Известно, что за последние полтора-два десятка лет в этой области было сделано едва ли не больше, чем за все остальное время существования истории первобытного общества как самостоятельной отрасли знания. Окончательно сформировалось представление о такой специфической форме позднепервобытной экономики, как престижная, и сделаны безуспешные попытки истолкования этого явления с марксистских методологических позиций. Были выработаны понятия жизнеобеспечивающего и избыточного продукта, позволившие во многом по-новому взглянуть на вопросы соотношения производства и распределения, вызывавшие ранее жаркие споры. Обнаружилось также, что и вопрос о том, каким образом избыточный продукт общественного производства начал превращаться в отчуждаемый у производителя прибавочный продукт, на практике выглядит гораздо сложнее, чем это представлялось ранее; отсюда — появление такого концептуального момента в западной науке, как «парадокс Салинза». Большой заслугой авторов рассматриваемого издания учебника мне кажется то, что они не просто дополнили материал соответствующих разделов новыми данными, но и включили рассмотрение именно последнего вопроса в главу о разложении первобытного общества. Здесь в предельно сжатой форме показаны все основные затруднения, возникающие при исследовании экономических предпосылок разложения первобытного общества; главное же, соответствующие страницы (с. 150—151) убедительно демонстрируют студенту незыблемость основных принципов марксистского подхода к истории первобытности.

Совершенно справедливо подчеркивается в новом издании, что производящее хозяйство возникло, как правило, как комплексное сельскохозяйственно-скотоводческое при опережающем развитии земледелия (с. 122). Важность такого акцента вытекает из того, что, если для специалистов — этнографов и историков первобытности — такое представление о складывании производящего хозяйства есть как бы нечто само собой разумеющееся, то, так сказать, среди широкой публики довольно широко распространен взгляд на скотоводство как форму хозяйства, непременно предшествующую земледелию.

Впервые в учебник введено упоминавшееся выше понятие «престижной экономики», дано описание этого явления и показано изменение его функций во времени, в особенности на поздней стадии первобытности, когда такая экономика сделалась одним из действенных средств разложения родового строя и родового демократизма (с. 140—141, 189). И в данном случае можно только приветствовать усложнение картины первобытных экономических отношений, предлагаемой студенту на основе новейших исследований. Ведь такое усложнение играет существенную роль и в формировании у студентов материалистического понимания исторического процесса без упрощения: именно через множество частных случаев, региональных, локальных и этнических вариантов пробивают себе дорогу основные закономерности развития человеческого общества, и их всеобщий характер особенно ярко предстает на фоне таких частных случаев и вариантов. То есть студент не только эксплицитно, но и имплицитно подводится к важнейшей мысли: исторические закономерности действуют не автоматически, они носят статистический характер. И это помогает формированию правильного понимания многообразия человеческих культур.

Не менее значимые дополнения можно увидеть и в разделах учебника, рассматривающих вопросы социальной организации, в частности ее потестарно-политического аспекта. Здесь следует в первую очередь указать на включение в круг представлений о жизни первобытного человеческого коллектива такого важного понятия, как мононорм, разработанного в 70-х годах одним из авторов книги. В главу 3 включен лишь небольшой абзац на эту тему (с. 106); но он помимо четкой формулировки содержания

понятия удачен еще и в том отношении, что ясно показывает одно из главных отличий развитого родового общества — отсутствие публичной власти при сохранении за коллективом достаточно эффективных средств контроля за поведением входящих в него индивидов.

В новом издании учебника значительно большее место, чем в предшествовавших, уделено важнейшим вопросам, связанным с различными сторонами процесса перехода от родового общества к обществу классовому. Расширено описание начальных форм эксплуатации и дана их общая классификация (с. 192—193). Много внимания обращено на пути формирования политической власти и на формы возникавшей государственной организации. Здесь мне представляется очень важным и полезным расширение авторами сферы употребления такого понятия, как военная иерархия; она предстает перед читателем в качестве одной из главных ступеней на пути превращения потестарной структуры в политическую (в предшествовавшем издании такая форма правления имела название «военной олигархией» и имела характер явления частного, свойственного лишь Полинезии). Вместе с тем существенно и то, что в рецензируемом издании категория военной иерархии трактуется как обязательный этап в переходе от военной демократии к классовой организации общества (с. 188, 194). При этом справедливо подчеркнуто, что и военная иерархия — лишь один из возможных вариантов институционализации власти в трансформирующемся позднепервобытном обществе. Хотя, строго говоря, следовало, бы, видимо, разграничить военно-иерархические структуры, так сказать, первичные и вторичные, т. е. такие, которые возникали во многих случаях и тогда, когда верховная власть в обществе складывалась путем сакрализации вождя (скажем, у йоруба).

Наконец, всяческого одобрения заслуживает и то, как в учебнике освещены важнейшие черты раннеполитической организации, в частности, соотношение родоплеменного и территориального принципов деления членов общества (с. 195—196), а также роль сложения государства как критерия уровня общественного развития. Последнее показано путем соотнесения форм организации власти и форм общинной организации, основанных на разных формах собственности: именно появление государственности отделяет протокрестьянскую общину от собственно крестьянской (с. 196). Этот новый в учебнике момент логически вытекает из всего развития науки в последние годы.

Логическим следствием расширения наших представлений о важнейших сторонах жизни первобытного общества на разных этапах его истории следует считать, видимо, и отчетливо видимое в новом издании учебника стремление к большей строгости терминологии. Примером может служить последовательно проведенная замена термина «первобытное стадо» на термин «праобщина». Термины эти синонимичны; авторы основывают употребление второго из них тем, что он «короче и удобнее» (с. 60). И вместе с тем слово «праобщина» очень удачно вписывается в ряд терминов, обозначающих общинные формы организации людей, и от этого делается более очевидным некий общий «ствол», если можно так выразиться, социальной эволюции. Аналогичная унификация терминов видна и в замене названия § 3 третьей главы с «Развития родовая община земледельцев-скотоводов» на «Позднеродовая община земледельцев-скотоводов»: опять-таки яснее видно общее движение эволюции.

Резко расширена историкографическая перспектива, открываемая перед читателем. Это выразилось не только в само собою разумеющемся учете новейших советских исследований. Впервые в нашей учебной литературе по этнографии и истории первобытности охарактеризованы новейшие направления неозволюционизма 60-х—70-х годов, включая и англо-американскую «новую археологию» (с. 27—28). Объяснять полезность такого дополнения не приходится.

Наконец, несомненным достоинством следует считать и расширение «представительства» различных регионов и этнических общностей, привлекаемых для иллюстрации по аналогии тех или иных авторских тезисов. Это касается как мезолитических охотников, где к «классическим» примерам бушменов и огнеземельцев добавлено упоминание таких народов, как ведда, семанги, аэта и др. (с. 92), так и в особенности специализированных охотников Субарктики на с. 139—140. Здесь фактический материал обогащен упоминанием ряда народов нашей страны и кратким этнографическим описанием хозяйства одного из этих народов — юкагиров, каким оно было описано русскими исследователями и путешественниками. Такое пополнение текста даже в случае простого перечисления не просто обогащает фактическую базу авторской аргументации, но и усиливает впечатление всеобщности описываемых тенденций общественного развития.

Конечно, не все в новом издании учебника решено успешно. Можно, скажем, заметить, что есть определенные основания к тому, чтобы к пяти первичным очагам земледелия, упомянутым на с. 122, добавить шестой — западноафриканский, изученный Дж. Мердоком и особенно Р. Портэром. Не всегда удается до конца унифицировать терминологию: так, на с. 176 и 177 по контексту трудно понять различие между родом и родоподобными структурами; не убежден я и в том, что замена прилагательного «раннеклассовый» при характеристике скифского государства на «рабовладельческий» (с. 169) улучшила текст.

Но совершенно очевидно, что такие шероховатости ни в коей мере не определяют лицо нового издания учебника. Это частные пожелания, которые авторы, если найдут нужным, учтут при дальнейшей работе над учебником первобытной истории. Причем, по всей вероятности, это будет совершенно новый учебник. Дело в том, что непрерывное обогащение материала ставит задачу более органичного синтеза данных археологии и этнографии. При этом возможны в принципе два пути: либо включать этнографические факты в археологический контекст, либо, наоборот, вводить итоги археологических работ в этнографический в своей основе текст. Так как теоретическая база истории пер-

вобытного общества складывалась главным образом на этнографических материалах, второй путь представляется сейчас более перспективным. Это, однако, ни в коей мере не означает умаления достоинств третьего издания существующего учебника.

Повторяю, что книга эта заслуживает весьма высокой оценки. В ограниченном объеме третьего ее издания авторы сумели изложить огромный и безупречный фактический материал. При переиздании книга была пополнена сведениями, отражающими успехи трех научных дисциплин — антропологии, археологии и этнографии — за последнее десятилетие. Большую ценность представляет не просто строгий учет достижений науки, но и то, что в глазах читателя еще раз подтверждается именно комплексный характер, междисциплинарность содержания книги. Выпуск третьего издания учебника «История первобытного общества» — явление отрадное как с позиций развития исторического образования в стране, так и с точки зрения определенного обобщения итогов активной работы десятков советских и зарубежных исследователей.

Л. Е. Куббель

Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР (К 100-летию образования первого академического этнографического центра). Отв. ред. Решетов А. М.— Сб. МАЭ, т. 35. Л., 1980.

Рецензируемый, очередной выпуск «Сборника Музея антропологии и этнографии АН СССР» приурочен к знаменательной дате в истории отечественной этнографии. В ноябре 1979 г. исполнилось 100 лет со времени принятия решения об организации в системе Санкт-Петербургской академии наук на базе ранее существовавших этнографического и анатомического музеев, возникших в результате расформирования первого русского общедоступного музея — Петровской кунсткамеры¹, единого этнографо-антропологического учреждения — Музея антропологии и этнографии (с 1903 г. — им. Петра Великого). С 1933 г. МАЭ стал частью созданного Института этнографии АН СССР.

За 100 лет, прошедших со времени основания МАЭ, его коллекции неизмеримо выросли. Ныне они насчитывают несколько сот тысяч этнографических, антропологических и археологических экспонатов со всего земного шара; многие из них уникальны.

Наиболее крупными коллекционными фондами МАЭ в настоящее время обладают Азиатский (прежде всего Китайский), Среднеазиатский, Сибирский, Американский, Океанийский отделы. Надо сказать, что многие коллекции этих фондов поступили в Музей еще в конце XVIII — первой половине XIX в., т. е. в период функционирования Кунсткамеры и Этнографического музея. Другие фонды (Африканский, Австралийский Восточнославянский) начали формироваться только в конце XIX в.

Сотрудники МАЭ проводят и проводят интенсивную работу по научному описанию коллекций. Свидетельством этому служит выход в свет нескольких десятков сборников МАЭ, посвященных главным образом музейным собраниям, публикация на основе фондов МАЭ многочисленных монографий и сборников.

Постоянно расширяются и углубляются связи МАЭ как центрального этнографического музея Академии наук с различными музеями и научными учреждениями как внутри страны, так и за ее пределами.

Юбилейный сборник открывается небольшой по объему вступительной статьей А. М. Решетова и Т. В. Станюкович «К 100-летию создания этнографического и антропологического центра Академии наук». Поскольку история МАЭ уже достаточно подробно описана в литературе, в статье охарактеризованы только наиболее важные ее этапы.

Остальные статьи (их 30), за исключением последней, сгруппированы таким образом, что вслед за обзорной статьей по истории того или иного подразделения музея следует одна или несколько статей, посвященных наиболее интересным коллекциям или группе коллекций этого музейного отдела, хотя, к сожалению, такой принцип не всегда выдерживается, например при описании среднеазиатского (фонда) МАЭ и антропологического отдела (фонда).

Т. В. Станюкович в статье «К истории комплектования Восточнославянского фонда МАЭ» прослеживает основные этапы формирования музейных собраний по русским, украинцам, белорусам. В статье А. А. Лебедевой «Коллекции МАЭ по украинцам Закарпатья» описывается собрание, привезенное М. Д. Торэн и Л. А. Динцесом в 1946 г. из Хустского и Раховского районов.

Кавказским коллекциям посвящены три статьи: Л. И. Лаврова «Кавказский отдел МАЭ и Кавказский сектор Института этнографии АН СССР», Т. Д. Равдоникас «Кавказские коллекции МАЭ» — об этнографических сборах чешского ученого Ф. И. Коллати в 1842—1843 гг. и Л. И. Смирновой о двух коллекциях Е. М. Шиллинга (сборы 1945—1946 гг.), насчитывающих более 60 предметов, отражающих быт аварцев².

¹ Подробно об истории этих музеев см.: Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954; *ее же*. Музей антропологии и этнографии за 250 лет.— Сб. МАЭ, т. 22. М.—Л.: Наука, 1964; *ее же*. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л.: Наука, 1978.

² Перечень всех кавказских экспонатов см. Равдоникас Т. Д., Смирнова Л. И. Каталог коллекций по народам Кавказа.— Сб. МАЭ, т. 34. Л.: Наука, 1979.